

Прошёл уже целый месяц. Гу Чуньлай не знал, смеяться ему или плакать, но не смог удержаться и приблизился, чтобы лучше слышать собеседника.

— Третье желание я хочу, чтобы ты исполнил, — серьёзно глядя в глаза Гу Чуньлаю, произнёс Сяо Жофэй. — Будда не может подарить мне счастье, только ты можешь. Будда не мой возлюбленный, ты — мой.

— Пойдём, я забронировал отель у подножия горы, — поднял руку Гу Чуньлай, на мизинце которого была обёрнута красная нить с подвешенным слегка потрёпанным оберегом, подаренным Сяо Жофэем.

Он дрожащими пальцами расстегнул первую пуговицу на рубашке Сяо Жофэя и, с дыханием, полным страсти, поцеловал его кадык. — Пусть это будет наше третье свидание, хорошо?

Сяо Жофэй не стал ничего говорить, схватил Гу Чуньлая за руку и побежал к парковке.

Добравшись до отеля, они не стали терять времени, словно участвуя в поединке или пытаясь стать опорой друг для друга в этом парящем мире. Они втиснулись в комнату, дверь щёлкнула, ткань порвалась, и в темноте они прижались к двери, их губы слились в поцелуе, звук которого передавался между ними. Когда Гу Чуньлай коснулся клыка Сяо Жофэя, он чуть не заплакал, высунув язык и вода им взад-вперёд, словно в слюне Сяо Жофэя был афродизиак, который делал его язык болезненно зудящим.

Куртки давно исчезли, а рубашки не выдержали силы их движений, разлетевшись по полу. Вскоре они оказались обнажёнными по пояс, лицом к лицу. Хотя это было не впервые, хотя они почти каждый день видели друг друга голыми в студенческие годы, никогда они не были так горячи, словно угли, готовые сжечь друг друга.

Гу Чуньлай, замороженный, поднял руку и прикоснулся к лицу Сяо Жофэя.

— Я хочу, чтобы потом я стал твоей формой, — медленно опуская руку, он провёл ею по груди, твёрдому животу, вниз и остановился на слегка выпуклом месте в районе промежности. — Я такой похотливый, я не раздражаю тебя?

— Нет.

Он смотрел в глаза Сяо Жофэя, затем на ладонь, где пульсировало его желание, и спросил:

— А не злю ли я тебя?

— Нет.

Гу Чуньлай облизал губы, присел и осторожно расстегнул брюки Сяо Жофэя, спустив их до щиколоток, и поцеловал его возбуждённый член.

— А... я не зажёл ли тебя?

Сяо Жофэй схватил руку Гу Чуньлая и притянул его к себе. Он прикусил мочку уха Гу Чуньлая, слегка покусывая её клыками, а его рука, проникнув в щель между штанами, нащупала и начала массировать задний проход Гу Чуньлая. Тот не ожидал такой реакции, его тело напряглось, и он поспешно снял с себя одежду.

Сяо Жофэй, подыгрывая, раздвинул ноги, вставив колено между ног Гу Чуньлая, и начал

слегка тереться о его возбуждённый член. Через полминуты он почувствовал прохладное прикосновение на своей коже.

— Ты так быстро.

— Я никогда не делал этого по-настоящему, и у меня мало опыта с другими. Только с тобой... только те несколько раз на каникулах в третьем курсе.

Гу Чуньлай робко поднял глаза, его взгляд был полон обожания, рот приоткрылся, между зубами образовалась узкая щель.

— В первый раз я хочу, чтобы ты кончил со мной, — прошептал Сяо Жофэй ему на ухо. — Ты такой капризный, я должен тебя наказать.

Сказав это, Сяо Жофэй повёл Гу Чуньлая в ванную.

В ванной загорелся свет, мягкий свет равномерно озарил их тела, сделав колени Сяо Жофэя блестящими. Он взял Гу Чуньлая за руку и завёл его в ванну, включив душ. Тёплая вода полилась сверху.

Сяо Жофэй намеренно провёл пальцем по своему телу, собирая сперму Гу Чуньлая, затем провёл им по внутренней стороне бедра и, наконец, проник в то место, где только что был, осторожно двигая пальцем, чтобы очистить его. Это был первый раз, когда он был так близко к Гу Чуньлаю, и он исследовал чувствительные места его тела. Но Гу Чуньлай прижимался к нему, левая рука беспокойно ласкала его член, а правая проникла в слегка расширенный задний проход, жадно обхватывая пальцы Сяо Жофэя, заставляя их двигаться вместе.

Сяо Жофэй отстранил руку Гу Чуньлая:

— Сейчас ещё рано.

— Но ты такой горячий и твёрдый, — Гу Чуньлай осторожно потрогал член Сяо Жофэя, он был горячее, чем вода, омывающая их тела.

Если это войдёт в него, не расплавит ли его изнутри?

Пусть даже расплавит, тогда они смогут слиться воедино и никогда не разлучаться.

— Ещё не конец, подожди.

— Как это ещё не конец?

— Прожорливый котёнок, я надену на тебя колокольчик, а потом накормлю, — с этими словами Сяо Жофэй вдруг достал что-то.

Гу Чуньлай присмотрелся и увидел, что это был оберег, который он когда-то подарил Сяо Жофэю. Он был необычной формы, а красная нить, на которой он висел, была особенно длинной. Неизвестно когда Сяо Жофэй прикрепил к оберегу колокольчик.

— Эта верёвка на моём запястье может обернуться девять раз, — Сяо Жофэй с игривой ухмылкой поцарапал ногтем головку члена Гу Чуньлая. — А на твоём маленьком братике сколько раз обернётся?

— Нет, Жофэй, ты, ты собираешься... не надо...

Сяо Жофэй, словно ничего не слыша, продолжал расширять, а рука с берегом скользила по члену Гу Чуньлая. Увидев, что тот снова возбудился, Сяо Жофэй, не сомневаясь, похвалил его и, повесив берег на твёрдый член Гу Чуньлая, начал массировать его простату.

— Одного раза недостаточно.

Гу Чуньлай хотел умолять, но его рот был плотно закрыт губами Сяо Жофэя, даже его обычно ловкий язык стал оружием, обвинившим язык Гу Чуньлая. Они страстно целовались, постепенно лишая его рассудка. Этот человек слишком хорошо знал, как подчинить его, как заставить его потерять голову. Гу Чуньлай чувствовал, как его член набухает, но не может освободиться. С трудом оторвавшись от поцелуя, он увидел, как его пульсирующий член туго перевязан красной нитью, маленький серебряный колокольчик висел рядом с головкой, звонко позванивая.

— В этот раз я кончу, а потом ты, понял?

Гу Чуньлай застонал, хотел повторить свою манеру кокетства, но, только приблизившись, колокольчик зазвенел снова. Он сгорал от стыда, анус непроизвольно сжался, но ягодицы получили шлепок от Сяо Жофэя. Тот, смеясь, сказал ему быть терпеливым, вынул руку, открыл лубрикант с карамельным ароматом, выдавил его на ладонь и, намеренно показывая это Гу Чуньлаю, начал мастурбировать свой возбуждённый член. Гу Чуньлай, красный от смущения, с покрасневшим кончиком носа, наконец не выдержал и сам лёг в ванну, раздвинув ноги, его влажный анус непрерывно пульсировал.

— Жофэй, ты знаешь, что я хотел написать, — Гу Чуньлай смотрел на него с прежней твёрдостью. — Не жди, войди в меня. Я хочу привыкнуть к твоей форме...

Сяо Жофэй прошептал на ухо Гу Чуньлаю:

— Сохрани свою форму. Когда наши тела соприкасаются, это самая подходящая форма.

С этими словами он, держа Гу Чуньлая за талию, одним движением вошёл в самое чувствительное место его тела.

Гу Чуньлай больше не мог сдерживаться и громко закричал. Никто не знал, насколько хороша была звукоизоляция в этом месте, и они не знали, видел ли кто-то, как они зашли в отель. Он забыл о своей личности, забыл об осторожных попытках, даже забыл, как он, робкий, набрался смелости, чтобы шаг за шагом дойти до этого дня.

Он помнил только, как изо всех сил раскрывал своё тело, отдаваясь страсти.

Неожиданно Сяо Жофэй начал двигаться так быстро, что Гу Чуньлай почти не мог дышать, он не останавливался ни на мгновение. Первоначальная странная боль начала рассеиваться, сфинктер привык к трению, и какое-то странное волнение начало бурлить в глубине его тела. Колокольчик звенел всё быстрее и громче, вызывая в нём неутолимый голод, его рука невольно двигалась в такт действиям Сяо Жофэя, лаская его высоко поднятый член.

Он был готов утонуть в этом моменте, чтобы время никогда не двигалось вперёд.

Неизвестно, сколько часов прошло, но Гу Чуньлай действительно растаял. Он лежал в объятиях Сяо Жофэя, двигаясь только тогда, когда тот его трогал, словно он был покрыт клеем, прилипшим к Сяо Жофэю.

Он говорил уже не с прежней уверенностью, лениво спросил:

— Жофэй, ты иногда думаешь, что какой-то момент слишком идеален, словно это нереально?

— Конечно.

— Когда ты получил Премию "Золотое кольцо" за лучший фильм в первый раз, это точно был такой момент, правда? — Гу Чуньлай поднял голову, его взгляд прилип к лицу Сяо Жофэя, полный нежности.

— Тогда, — Сяо Жофэй улыбнулся и крепче обнял его, — я помню, было очень жарко, свет бил в глаза, в зале было много людей, все смотрели на меня, как на тыквы в Хэллоуин с горящими свечами внутри. Воздух был настолько горячим, что искажался, я даже не помню, что я говорил.

— Не беспокойся, твои слова были очень достойными и вдохновляющими.

<http://bllate.org/book/15563/1415793>